

Глава вторая: Старшая сестра в замешательстве, влюблённая сестра ссорится, младший брат, потерявший контроль над собой, нападает на старшего брата, которому не везет.

—

Несколько дней назад история о «Возвращении Бога Богатства» уже вызвала большой переполох в Чэньтане. Тан Юйшу, которому было смешно до слёз от того, что его считают «Богом Богатства», долго и безуспешно пытался развеять слухи, пока они наконец не сошли на нет.

Но сегодня вдруг появился новый «Бог Богатства», заявивший, что этот дом принадлежит ему.

Два Бога Богатства, дерущиеся за дом, — такое событие в тихом, ничем не примечательном Чэньтане было сродни сокрушительному шторму.

Хотя сейчас высоко висел полумесяц, площадь перед ямэнем Чэньтаня была переполнена народом.

В простом зале суда.

Юноша в красном парчовом халате представился:

— Я Линь Лан, вежливое имя Тинчжи, из Цзиньлина. Я унаследовал виллу в поселении Чэньтань, семьдесят второй двор, подаренную моим покойным дедом по матери, господином Чэнем. Прибыв сегодня, я обнаружил в ней незваного гостя, а именно этого человека, который громко заявляет, что этот дом подарен ему двором!

Закончив своё заявление, Линь Лан достал из-за пазухи конверт, и, шагая, чтобы представить доказательства, он намеренно резко отмахнул подол своего халата, который с силой хлестнул по голове ошеломлённого Тан Юйшу, стоящего рядом:

— Вот купчие на дом и землю! Прошу, господин, рассудите!

Уездный магистрат просмотрел купчие, затем повернулся к Тан Юйшу:

— А ты что скажешь?

Тан Юйшу помассировал лоб, почтительно поклонился и неуклюже, копируя манеру Линь Лана, представился:

— Я Тан Юйшу, второе имя... кажется, нет... родом из Чэнду. Во время подавления восстания на юго-западе в Шу я служил в армии Цзиньян. За многочисленные заслуги после войны двор пожаловал мне жилище, семьдесят второй двор в Чэньтане. Я живу здесь уже около двадцати дней, когда этот младший брат внезапно ворвался и стал кричать, что дом принадлежит его бабушке...

Линь Лан гневно прервал:

— Твоей бабушке!

Тан Юйшу поспешно покачал головой, объясняя:

— Это не моя бабушка...

Линь Лан почувствовал бессилие:

— ...Моему деду по материнской линии!

— О, точно, точно... — сбитый с толку Тан Юйшу, умоляюще кивая Линь Лану, достал из рукава лист бумаги и вручил его уездному магистрату. — Это приказ о назначении с официальной печатью Военного ведомства. Прошу, господин, ознакомьтесь...

Уездный магистрат, просмотрев приказ, на время потерял дар речи, не зная, как поступить. Он мог лишь мысленно ругаться: когда в Чэньтане случаются дела, они непременно оказываются такими сложными.

Купчие на дом и землю выглядели подлинными, без сомнения; но и официальная печать Военного ведомства на приказе о назначении была очень чёткой и достоверной.

Если кто-либо подделывает документ о праве собственности с целью завладения чужим имуществом, то он будет приговорен к пожизненному заключению в соответствии с законом.

Но подделка официальной печати карается немедленной казнью по закону...

Он взглянул на двоих перед собой: один, богато одетый и изысканный, один лишь его наряд, вероятно, стоил половину дома в Чэньтане. Он явно был сыном богатой семьи, у него не было ни мотивации, ни необходимости для совершения преступления. Другой был честен, прост и откровенен. К тому же, восстание на юго-западе только что было подавлено, и двор был занят награждением солдат. Если бы в результате ошибочного решения сейчас отрубили голову этому отставному военному, это было бы сродни тому, как сбрасывать осла после того, как он пересёк реку, что, несомненно, оскорбило бы чувства этих воинов, сражавшихся не щадя крови...

После долгих колебаний уездный магистрат посмотрел на толпу зевак у входа:

— Юаньфан, что ты думаешь?

Следуя взгляду уездного магистрата, Линь Лан и Тан Юйшу обернулись. Впереди толпы стояла та полная тётушка:

— Отец, по-моему...

Оказалось, полная тётушка была дочерью уездного магистрата, и её звали Юаньфан... Судя по возрасту уездного магистрата, полной тётушке было около двадцати, но она выглядела намного старше... В обычные дни Тан Юйшу всегда называл её «нян-нян» (тётушка/бабушка). Если бы она узнала значение этого слова, она бы точно порубила его на куски и зажарила в масле вместе с речной рыбой.

Тан Юйшу помассировал пульсирующие виски.

Он услышал, как полная тётушка уверенно сказала:

— Очевидно, что Линь Лан лжёт! — Вы все видели изображение Бога Богатства?.. Верно, у него чёрно-красное лицо! Как похоже на молодого господина Тана! Кто видел, чтобы Бог Богатства был белолицым? Более того, молодой господин Тан имеет густые брови и большие глаза, он мужественный и сильный. Такой красавец точно не будет лгать!

Как только полная тётушка закончила свой хорошо аргументированный анализ, разговор прервал поток мелодичных «О!». Из толпы протиснулась худая, как скелет, женщина:

— А я считаю, что молодой господин Линь не похож на лжеца.

Уездный магистрат спросил:

— Бяньфан, а ты что думаешь?

Это, видимо, была худая госпожа. Тан Юйшу знал эту женщину: как и полная тётушка, она ежедневно торговала жареной рыбой возле усадьбы Бога Богатства. Из-за конкуренции они почти каждый день ссорились. Теперь оказалось, что у них враждебное прозвище, и даже имена, казалось, имели непримиримый смысл. Впрочем, учитывая тонкую связь между именами «Юаньфан» (Круглое ароматное) и «Бяньфан» (Плоское ароматное), худая госпожа тоже могла быть дочерью уездного магистрата...

Тан Юйшу снова помассировал пульсирующие виски.

Как и ожидалось, худая госпожа пронзительно проанализировала:

— Отец, посмотри — молодой господин Линь одет богато и изысканно. Божественные существа, естественно, богаты, праздны и привыкли к роскоши, не то что мы, трудящиеся, которые каждый день гнём спину. В конце концов, логично, что Бог Богатства должен быть более белолицым!

Краем глаза Линь Лан тоже, кажется, массировал свои виски.

— Бесстыжая, я вижу, ты влюбилась в Линь Лана.

— Толстуха, весь Чэньтань давно знает, что ты тайно любишь Тан Юйшу!

И сёстры сцепились в драке.

Потребовалось около пятнадцати минут, чтобы усмирить этот инцидент, не имеющий отношения к первоначальному делу. Уездный магистрат долго расхаживал по ямэню, пока Линь Лан глубоко не зевнул, а Тан Юйшу уже заснул. Наконец, он ударил правым кулаком по левой ладони, сел обратно на стул и стукнул молотком по столу.

В конце концов, уездный магистрат решил временно изъять оба доказательства и отправить их в столицу для проверки подлинности.

Но для поездки в столицу нужно сначала добраться до Цзиньлина, а затем на лодке плыть на север по Великому каналу. Путешествие туда и обратно займёт около месяца, а в ямэне столицы много дел, поэтому рассмотрение займёт ещё около месяца. В целом, ожидается, что это займёт два месяца.

— В течение этого времени вы оба временно поживёте в этом доме!

Очевидно, Линь Лан был крайне недоволен решением «временно жить вместе». Вернувшись в дом, он выражал своё отвращение к Тан Юйшу, хлопая дверьми и разбивая посуду.

Тан Юйшу видел его действия, но, будучи человеком мягким и не желая ссор, предпочёл не вступать в конфликт. Он просто сидел перед западным флигелем и при свете луны молча стирал свою тонкую рубашку.

Вдруг Линь Лан откуда-то достал коробку с известью и провёл линию от ворот до парадного зала.

— Справедливо?

Линь Лан указал на белую линию, которая уже почти уходила под карниз западного флигеля, где жил Тан Юйшу.

— Угу. — Тан Юйшу не хотел спорить.

— Эта белая линия — граница: восточная половина двора и восточный флигель мои, западная половина двора и западный флигель твои; что касается главного дома, я не люблю подниматься по лестнице, поэтому первый этаж мой, второй — твой. Линии проведены, нельзя пересекать и полшага, понял?

— Угу. — Тан Юйшу не хотел спорить.

— Это „временно“, понял? Когда будет вынесено решение, я найму людей, чтобы они тщательно отмыли ту половину, где ты жил.

— Угу. — Тан Юйшу не хотел спорить.

— В течение этих двух месяцев: не заговаривай со мной без нужды, даже не думай стать моим другом, живи своей жизнью, не вмешиваясь в мою. Понятно?

— Ладно, ладно. Тан Юйшу начал терять терпение, но всё ещё не хотел спорить.

— Что ‘ладно’? — не понял Линь Лан.

«...»

После почти двух часов суеты, когда на востоке уже начало сереть небо, Линь Лан кое-как очистил угол в восточном флигеле, чтобы можно было лечь, и со скрипом зубов приготовился кое-как уснуть. Он вытирал доски кровати более десяти раз, но когда собирался лечь, всё равно чувствовал, что они грязные. Поэтому Линь Лан аккуратно снял свой красный парчовый халат и бережно положил его рядом.

Уходя из дома позавчера, он был слишком поспешен и совершенно не подумал о том, чтобы взять постельные принадлежности и мягкие вещи. Теперь ему приходилось ютиться на жёстких досках. Без тёплого одеяла, без приятного благовония, без Шунь-эра, который подал бы горячую воду, Линь Лан мучился от дискомфорта, постоянно ворочаясь.

Перед уходом из усадьбы Линь Лан разработал полный план.

Сначала приехать в Чэньтань, продать этот дом, подаренный дедом, и использовать деньги как стартовый капитал для своего дела. Затем отправиться в Сучжоу или Ханчжоу, открыть лавку и начать бизнес. Благодаря опыту на Шелковом пути и своим выдающимся способностям, он определённо сможет в будущем заработать целое состояние. Когда он, осыпанный славой, вернётся домой, он встанет перед отцом, выложит тысячи золотых слитков и с небрежным видом скажет: «Сын был нерадивым, вот немного денег, чтобы вы могли купить себе вина».

При этой мысли Линь Лан рассмеялся.

Но как только он рассмеялся, жёсткая доска больно упёрлась ему в лопатку, и настроение

Линь Лана быстро упало.

Он всё продумал, но не учёл, что столкнётся с такой проблемой, как «захват дома».

Однако он ничего не мог поделать и должен был ждать решения суда два месяца. Как же провести эти два месяца... Если он пойдёт к дяде, тот непременно отвезёт его обратно в усадьбу Линь; если он поедет прямо в Сучжоу или Ханчжоу... Он взял с собой всего сто лян, чего было более чем достаточно на два месяца, но обстоятельства непредсказуемы — если дом действительно отдадут этому бедному воину, он останется ни с чем? Поэтому, по сути, эти деньги нельзя тратить.

Глаза невыносимо болели от усталости, но в голове роились тысячи мыслей. Он ворочался и размышлял так, пока за окном не стало светло, но Линь Лан всё ещё не мог уснуть.

С первым криком петуха Линь Лан наконец сел с растрёпанными волосами и, как сумасшедший, схватил сапоги из-под кровати, натянул их на ноги: «Не могу больше! — Возвращаюсь в Цзиньлин!»

Когда он, полностью одетый и с чёрными кругами под глазами, распахнул дверь восточного флигеля, его ослепил яркий утренний свет.

Ещё более ослепительным был Тан Юйшу, который шёл прямо из западного флигеля, натягивая рубашку через голову.

— Ты пересёк границу! — гневно крикнул Линь Лан.

Этот крик напугал Тан Юйшу, который натягивал рубашку. Он быстро просунул голову через воротник, его глаза были полны недоумения:

— Ты... что делаешь?

Линь Лан наполовину понял акцент чужака, поэтому просто указал на Тан Юйшу и повторил, выделяя каждое слово:

— Ты! Пересёк! Границу!

Тан Юйшу: — ...Но туалет на востоке.

Линь Лан настаивал: — Ты просто не можешь сюда приходить!

Тан Юйшу: — ...Но я хочу пописать.

Линь Лан продолжал настаивать: — Мне всё равно!

Тан Юйшу: — Тогда я пописаю прямо здесь.

Линь Лан всё ещё настаивал: — Хорошо!

Тан Юйшу, зевая, ослабил пояс штанов, спустил их и протянул руку.

Испуганный Линь Лан наконец прекратил настаивать:

— Стой, стой, стой! — Пользуйся туалетом!

Тан Юйшу снова аккуратно заправился и, продолжая зевать, направился к туалету.

— Что за несчастье... — Линь Лану стало трудно дышать. — Какой же грубиян!

— Спасибо, — Тан Юйшу почему-то смутился.

— Я не хвалю тебя! — Линь Лан совсем задыхался.

Громко захлопнув дверь восточного флигеля, Линь Лан уныло сел на кровать.

— Ладно... придётся ждать. В Цзиньлин мне не вернуться...

Ложась, он почувствовал, как защипало в глазах.

Он мог только крепко зажмуриться, сжимая кулаки и сдерживая учащённое дыхание, медленно утешая себя:

— Что значат эти невзгоды? Ты что, думаешь, я какой-то изнеженный сынок? — Я же ходил по Шелковому пути! Дождись, когда через несколько лет я добьюсь успеха, буду гордо разгуливать в роскошном одеянии и ослеплю тебя кучей золота! Пусть ты узнаешь, что я могу создать свой собственный мир и без тебя...

Убаюкав себя этими бормотаниями, Линь Лан наконец почувствовал себя лучше. Усталость от недавних дней, наконец, нашла свой выход, и Линь Лан, измученный, уснул.

—

<http://bllate.org/book/12583/1118358>